

Глава 17

Надежда для золотого ядра

Вся задняя гора обратилась в бамбуковую рощу.

Сотни ли вокруг покрывали листья, острые, как лезвия, и каждый нёс в себе леденящую жажду убийства. От них было негде укрыться.

— Чэнь Шэ, ты действительно намерен истребить всех до единого? — лицо Пятого старейшины исказилось от злобы. — Он — сын Цзюйфу. Принеси его кровь в жертву, открой Врата мира Ванлэин, и ты получишь безграничную выгоду!

Чэнь Шэ улыбнулся:

— Пятый старейшина, должно быть, так долго наставлял учеников в Малой обители Фэньюй, что возомнил себя учителем для всех и каждого. Неужели вы решили поучать и меня?

— Откуда взялся твой иероглиф «Шэ», мы оба прекрасно знаем. У тебя с Цзюйфу такая глубокая вражда... — Пятый старейшина указал на У Линчаня. — Я не верю, что ты его не ненавидишь!

— Вы всё сказали? — вежливо поинтересовался Чэнь Шэ.

Он лишь выглядел как благородный муж, но на деле не знал ни капли милосердия.

Едва прозвучал этот учтивый вопрос, как бесчисленные бамбуковые листья в воздухе обратились в узкие клинки и, рассекая пространство, устремились к Пятому старейшине.

Заклинатель на пике сферы зарождающейся души был силён, но против Чэнь Шэ не смог продержаться и одного удара.

Из гущи бамбуковых листьев донёсся душераздирающий вопль.

У Линчань резко пришёл в себя. Его ненависть никуда не делась. Он тут же выпрыгнул из объятий Чэнь Шэ:

— Не трогай меня!

— На тебе заклятие, — напомнил тот.

Узоры на шее У Линчаня, похожие на распустившиеся цветы, уже расползлись до самого уха.

Он гневно посмотрел на Чэнь Шэ.

— Не твоё дело.

Юный господин У был сама непреклонность. Он отступил на два шага назад, и цветы на его белоснежной коже, казалось, заалели ещё ярче. Не успев твёрдо встать на ноги, он ослабел, колени его подкосились, и он едва не рухнул на землю.

Чэнь Шэ, предвидев это, подхватил его.

Лоб У Линчаня покрылся холодным потом. Сердце словно сжала невидимая рука, и лишь близость к Чэнь Шэ и его могущественная духовная аура приносили облегчение.

С мрачным видом У Линчань неохотно шагнул ближе.

— Л-ладно, так и быть. Можешь позаботиться обо мне. Совсем недолго.

Чэнь Шэ промолчал.

Чи Фухань и Цин Ян с глухим стуком рухнули на землю. К счастью, один обладал телом заклинателя с золотым ядром, а другой — плотью полудемона, так что, полежав без сознания некоторое время, они снова вскочили на ноги.

Цин Ян боялся Чэнь Шэ и, хоть и был цел, продолжал лежать в куче бамбуковых листьев, притворяясь мёртвым.

А вот Чи Фухань тут же вскочил, и его глаза засияли от благоговения.

— Владыка Чэнь!

Чэнь Шэ не смотрел на него. Алая точка на его закрытых веках, казалось, была обращена в сторону У Линчаня.

Рёв!

Вдалеке бамбуковые листья внезапно разметала мощная волна духовной силы, явив окровавленную фигуру.

У Линчань удивлённо посмотрел туда.

Пятый старейшина был почти искромсан листьями. От невыносимой боли его глаза налились кровью. Верхняя часть его тела была обнажена, с неё клочьями свисала плоть, но раны затягивались с невероятной скоростью.

Мало того, уровень его развития стремительно рос.

Зарождающаяся душа, трансформация духа... он почти достиг постижения пустоты.

Фиолетовый туман окутал тело Пятого старейшины. Но по мере роста его силы ясность в его глазах угасала. В тот миг, когда он коснулся барьера постижения пустоты, его тело внезапно раздулось до размеров небольшой горы.

— Он превратился в безмозглого демонического зверя.

У Линчань был поражён.

Неужели истинный облик Пятого старейшины — демонический зверь?

Находясь под действием заклятия, У Линчань, изумляясь, придвинулся ближе к Чэнь Шэ.

Он никогда не был из тех, кто станет себя истязать. Найдя способ облегчить боль, он постепенно приблизился к Чэнь Шэ, коснулся его рукава и вскоре уже незаметно держал его за мизинец.

У Линчань считал, что действует очень скрытно.

В этот момент Чэнь Шэ отвёл руку назад и мягко сжал его ладонь целиком.

У Линчань редко бывал с кем-то так близок и от этого прикосновения едва не подпрыгнул.

— Ты, ты, ты... что ты делаешь?!

— Тшш, — тихо сказал Чэнь Шэ. — Смотри туда.

У Линчань, чью лапу схватили, словно сопротивляющийся кот, отпрянул назад, но всё же настороженно посмотрел в указанном направлении.

Демонический зверь со свирепой мордой и налитыми кровью глазами, движимый лишь

жаждой убийства, бросился на Чэнь Шэ.

Его тело было так огромно, что каждый шаг сотрясал землю, оставляя на ней трещины. Стаи птиц с криками взмывали в небо.

— Он использовал демоническую ци, — Чэнь Шэ, казалось, смотрел на зверя, уже потерявшего человеческий облик, и объяснял У Линчаню. — В Ванлэин все, кто развивался с помощью демонической ци, — это безмозглые звери. За всю историю лишь два великих демона смогли обрести человеческий облик.

У Линчань перестал вырываться.

— Если использовать много демонической ци, станешь таким?

— Нет, всё зависит от удачи, — ответил Чэнь Шэ. — Некоторым достаточно одного прикосновения, чтобы превратиться в зверя.

— О-о.

Зверь был уже совсем близко. Чэнь Шэ беззвучно вздохнул и поднял руку. Духовная сила хлынула из его ладони, и мириады бамбуковых листьев слились в единое изумрудное лезвие без рукояти.

Лёгкий весенний ветерок коснулся их лиц.

Голова зверя в тот же миг была отсечена.

В момент удара Чэнь Шэ слегка отвернулся и прикрыл ладонью глаза У Линчаня.

Наступила тьма. Лишившись зрения, остальные чувства обострились до предела.

У Линчань вдыхал чистый аромат бамбуковых листьев и снега, исходивший от рукавов Чэнь Шэ; слышал, как кровь сочится из отрубленной головы зверя; чувствовал тепло большой и сильной руки, державшей его ладонь, — её пальцы могли полностью обхватить его запястье.

У Линчань редко примерял на себя чужую участь, но сейчас в его голове сама собой родилась мысль.

«В прошлый раз Чэнь Шэ так разозлился... потому что боялся, что я тоже использую демоническую ци и превращусь в безмозглого зверя?»

Вскоре Чэнь Шэ убрал руку.

На земле уже не было ни уродливого окровавленного трупа, ни следов битвы — лишь зелёная бамбуковая роща.

У Линчань уже не так сильно сопротивлялся Чэнь Шэ. Едва он открыл глаза, как тот, всё ещё держа его за руку, притянул его к себе.

У Линчань не успел и пикнуть, как увидел, что в бамбуковой роще в воздухе парит и вращается фиолетовое ядро. Фиолетовый туман искажал пространство, и в нём медленно разверзлась трещина.

Костлявая рука внезапно ухватила за край разлома, словно кто-то пытался выбраться наружу.

— Если рука не нужна, можешь продолжать, — небрежно бросил Чэнь Шэ.

Рука, цеплявшаяся за край, тут же сжалась в кулак. Спустя мгновение она снова разжалась, и на ладони внезапно появился алый, злоеший глаз, который уставился прямо на Чэнь Шэ.

...И на У Линчаня, которого тот укрывал в своих объятиях.

Из разлома донёлся тихий, злоеший голос:

— Ему не сбежать. Он сбежал один раз, но не сбежит во второй. Настанет день, и он по своей воле станет моим ключом.

Чэнь Шэ рассмеялся:

— Попробуй.

На троне, которому подчинялись все твари Ванлэин, пара глаз пронзила тысячи ли кровавого моря. Неся с собой ужасающую ауру кровавого шторма, она встретила взглядом с Чэнь Шэ сквозь пространственный разлом.

Чэнь Шэ взмахнул рукой, и разлом с грохотом закрылся. Бледная рука неохотно отступила обратно в Ванлэин.

В последний миг перед тем, как исчезнуть, глаза холодно бросили одно слово.

— Предатель.

У Линчань тут же вырвался из его объятий и с недоумением огляделся:

— О чём ты говорил с этой рукой?

Это был язык Куньфу, но в то же время не совсем. Он не понял ни слова.

— Ни о чём, — холодно ответил Чэнь Шэ. — Всё ещё злишься?

— А я не должен? — У Линчань, видя, что тот сам заговорил об этом без малейшего намёка на извинение, нахмурился. — Ты накричал на меня ни за что, сказал, что подарок, который я для тебя нашёл, — никчёмный мусор. Мне было так обидно, я тебя просто возненавидел.

Чэнь Шэ промолчал.

Владыка Чэнь не ожидал, что за одну ночь «неприязнь» У Линчаня перерастёт в «ненависть», а его «безвкусица» — в «никчёмный мусор».

Чи Фухань, стоявший рядом, робко пытался найти возможность заговорить с Владыкой Чэнем. Услышав дерзкие упрёки У Линчаня, он выпучил глаза.

Этот юный господин поистине бесстрашен!

Владыка Чэнь убивает людей так же легко, как ест. Он непременно...

Чэнь Шэ улыбнулся и, словно успокаивая ребёнка, мягко произнёс:

— Это вина А-сюна. Не стоило мне так говорить о твоём подарке.

У Линчань, почувствовав свою правоту, добавил:

— И кричать на меня тоже не стоило.

— Да, и это тоже было неправильно.

Чи Фухань застыл.

Чи Фухань не верил своим ушам.

Владыка Чэнь... э-э, это, хм.

Владыка Чэнь ведь не ест.

Несколько наставников из Академии Сычжо прибыли с опозданием. Увидев, что лотосы, росшие здесь сотни лет, полностью сменились бескрайней бамбуковой рощей, все они помрачнели.

Так открыто поглотить лотосы бамбуком... Владыка Чэнь готовит почву для своего восхождения на трон?

Подойдя ближе, они удивились ещё больше.

Владыка Чэнь, который никогда не любил близкого контакта с кем-либо, держал за руку юношу. Разница в их росте была так велика, что Чэнь Шэ приходилось слегка наклоняться, чтобы говорить с ним.

Кто-то из них узнал в юноше в красном сына Цзюйфу, У Кунькуня, и все ахнули.

Владыка Чэнь и Цзюйфу были заклятыми врагами. Как У Кунькунь, вернувшись, до сих пор жив?

С разными мыслями они поспешили вперёд и почтительно поклонились:

— Приветствуем Владыку Чэня и юного господина Кунькуня.

Чэнь Шэ даже не взглянул на них. Он вызвал из бамбуковой рощи два золотых ядра, окутанных фиолетовым туманом.

— Бай Цан и Пятый старейшина вступили в сговор с Ванлэин и пытались причинить вред юному господину. Я казнил их на месте. Возьмите их золотые ядра и доложите Великому старейшине.

Лица нескольких наставников тут же изменились.

Старейшина Яо из Обителя Чуфэн не удержался и спросил:

— Владыка Чэнь, вы говорите правду?

Чэнь Шэ не ответил, но Чи Фухань возмутился:

— Учитель, что вы такое говорите? Неужели Владыка Чэнь стал бы клеветать на каких-то двух старейшин? К тому же, на юном господине до сих пор заклятие, разве вы не видите?

Старейшина Яо промолчал.

Старейшина Яо, надув усы, сердито посмотрел на него:

— Ах ты, негодник! Вернёшься — жди порки!

— Если бы не Владыка Чэнь, который вовремя пришёл на помощь, мы бы уже были мертвы от рук Пятого старейшины, — фыркнул Чи Фухань. — Два предателя заслужили свою смерть. Великий старейшина ведь не станет разбираться в этом предвзято, верно?

Старейшина Яо бросил на него сердитый взгляд и повернулся к Чэнь Шэ:

— Владыка Чэнь, простите. Эти двое совершили тяжкое преступление и действительно заслужили смерти. А что с заклятием на юном господине, его можно снять?

У Линчань, наконец получив извинения, был в прекрасном настроении и спокойно держал Чэнь Шэ за руку. Он не совсем понимал, о чём идёт речь, и, щурясь, говорил: «Встаньте, встаньте».

Чэнь Шэ отвёл в сторону растрёпанные волосы У Линчаня, упавшие ему на плечо.

Невидимый взор скользнул от щеки У Линчаня к распахнутому воротнику. Татуировка в виде цветка непрерывно поглощала его духовную силу и жизненную энергию, расцветая всё ярче.

Это было не похоже на обычное «заклятие слияния сердец».

Чэнь Шэ нахмурился и, сложив пальцы в печать, потянулся к межбровью У Линчаня.

Но едва его ужасающая духовная сила приблизилась к духовному оку, как У Линчаня словно ударило по морю сознания. Цветочный узор мгновенно покрыл половину его лица, и он, не удержавшись, рухнул на землю. Его хрупкая фигура опустилась, как неприметный кленовый лист.

Все ахнули.

Лицо Чэнь Шэ изменилось, и он тут же подхватил его.

— Кунькунь?

***

Дворец Даньцзю был восстановлен.

В Пустоши Куньфу не было мастеров, способных так быстро возводить дворцы. Сюнь Е скрепя сердце потратил целое состояние, наняв несколько десятков ремесленников, владеющих искусством восстанавливающих талисманов.

Тысячи талисманов сгорели одновременно, и менее чем за час дворец Даньцзю восстал из руин. Даже засохшая трава ожила и покрылась мелкими цветами.

У Линчань лежал на лежанке, окружённый формацией, собиравшей духовную силу и непрерывно вливавшей её в его духовные каналы. Цветочный узор на его шее не увядал.

Чи Фухань, весь в холодном поту, даже использовал свою персональную печать-подавитель, но так и не смог снять заклятие с У Линчаня, лишь временно замедлив его распространение.

— Владыка Чэнь, юный господин находится под действием не обычного заклятия слияния сердец. В нём смешаны талисман марионетки и искусство запечатывания — три сложнейших заклинания. Боюсь...

Чи Фухань всё ещё размышлял.

Заклинатель уровня зарождающейся души мог бы схватить У Кунькуня, как цыплёнка. Зачем понадобилось такое сложное заклятие?

Казалось, они хотели заставить У Линчаня сделать что-то по их воле.

Чэнь Шэ сидел на краю кровати и чувствовал, как жизненная сила У Линчаня слабеет. Он нахмурился:

— Кто может его снять?

— Никто, — пролепетал Чи Фухань.

С оглушительным треском окно дворца Даньцзю распахнулось от порыва ветра. Висевшие на занавесках Золотые колокольчики Даньфэн зазвенели.

Небо затянуло тёмными тучами, и хлынул проливной дождь.

Чи Фухань никогда не ощущал такой мощной ауры и едва не рухнул на колени.

Только сейчас он понял, насколько абсурдны были его прежние мысли. Владыка Чэнь явно

заботился об У Кунькуне, раз подарил ему колокольчик и позволил жить на Террасе Бихань.

Осознав это, Чи Фухань осмелился тихо предположить:

— Вообще-то, есть один человек, который мог бы попробовать.

— Кто?

— Цзюй... Цзюйфу.

Рука Чэнь Шэ замерла.

У Линчань отчаянно нуждался в духовной силе. Даже во сне он инстинктивно тянулся к самому сильному источнику энергии поблизости, крепко вцепившись обеими руками в предплечье Чэнь Шэ, словно хотел прижаться к нему всем телом.

В полузабытьи он почувствовал, как рука пытается высвободиться, и его охватило необъяснимое чувство обиды. Он что-то пробормотал, кажется, ругаясь на языке Союза Бессмертных.

У Линчань всегда получал то, чего хотел.

И действительно, после его бормотания рука больше не пыталась освободиться, позволяя ему обнимать её всё крепче.

В тяжёлом сне У Линчаню казалось, будто он блуждает в бескрайней пустыне. Он спотыкаясь шёл к свету, но сколько бы ни шёл, казалось, оставался на месте, не в силах выбраться.

Динь-дон.

В ушах зазвенел золотой колокольчик.

У Линчань растерянно огляделся в поисках источника звука и, наконец, опустив голову, увидел на своей шее маленький золотой колокольчик, который подпрыгивал и звенел.

Кажется, он бежал.

У Кунькунь споткнулся обо что-то и упал, разбив ладони в кровь.

Вдалеке раздался голос:

— Ты...

У Кунькунь растерянно поднял голову. Чэнь Шэ по-прежнему сидел на месте, казалось, ошеломлённо глядя на него.

— А... — У Кунькунь вдруг вскочил и, плача, бросился к нему. — А-сюн, А-сюн, А-сюн, А-сюн!

Чэнь Шэ весь дрожал.

— Ты же ушёл! Зачем вернулся?! — гневно крикнул он.

У Кунькунь бросился ему в объятия и, всхлипывая, сказал:

— Я не хочу уходить! Уходить плохо! Я хочу быть с А-сюном!

— Какой от тебя здесь толк? Ты только ме...

У Кунькунь зажал ему рот рукой, не давая договорить.

— Не помеха! Помеха — это плохо! Не говори так! — громко сказал он.

Чэнь Шэ промолчал.

Только сейчас У Линчань понял, что всё, что он видел во сне, было обманом.

Слой багряных клёнов на земле был не опавшей листвой, а лужей алой крови; белоснежные нити вокруг были не паутиной, а хаотично переплетёнными струнами цитры.

Белые струны сковывали тело Чэнь Шэ, окрасившись в кроваво-красный цвет.

Капли крови падали вниз, расцветая, как кленовые листья.

В бескрайней пустыне со всех сторон на них смотрели бесчисленные пары алых глаз. По мере приближения они обретали облик огромных, уродливых демонических зверей.

— Ты... не боишься умереть? — губы Чэнь Шэ дрожали.

У Кунькунь, обняв его за шею, покачал головой:

— Не боюсь! Папа придёт и спасёт меня.

Чэнь Шэ холодно усмехнулся.

В этот момент ближайший зверь с рёвом бросился на них.

Глаза Чэнь Шэ сверкнули. Не обращая внимания на впившиеся в запястья струны, он сорвал с шеи У Кунькуня золотой колокольчик Сымин.

Бум!

Зверь яростно бросился на них, но в тот же миг золотой колокольчик Сымин превратился в полупрозрачный барьер размером с гусиное яйцо, который плотно окутал их.

Зверя отбросило духовной силой барьера, и он, едва живой, долго не мог подняться.

У Кунькунь хотел посмотреть, но Чэнь Шэ прижал его голову к своей шее и тихо сказал:

— Не мешай.

— Не мешаю, — У Кунькунь, который только что горько плакал, всё ещё всхлипывал. — Я-я-я не помеха. А-сюн, можешь больше так не говорить? У-у...

Чэнь Шэ не ответил.

...Но, по крайней мере, больше не повторял этого.

У Кунькунь быстро успокоился. Услышав странный стук, он попытался поднять голову, но Чэнь Шэ снова прижал его к себе.

Ему оставалось лишь послушно обнимать Чэнь Шэ за шею и тихо спрашивать:

— А-сюн, когда ты закончишь, вернёшь мне колокольчик?

— Нет, — на этот раз Чэнь Шэ ответил. — Он мой.

— Но ты же мне его только что подарил.

— Не подарил. Дал попользоваться.

— А когда подаришь снова?

— Никогда.

— У-у.

Динь-линь.

У Линчань сонно перевернулся и, придавив волосы, пробормотал:

— Мо Бао, волосы...

Мо Бао не ответил.

Но сбоку протянулась рука, нежно приподняла его за шею и высвободила придавленные пряди.

У Линчаню стало удобнее, и он лениво открыл глаза.

Вместо привычной туши он увидел тёмно-синий рукав, расшитый рунами. Рядом лежала рука с длинными пальцами, на тыльной стороне которой проступали вены.

У Линчань моргнул. Он всё ещё был в полусне и, глядя на эту руку, думал:

«Как у кого-то могут быть такие длинные пальцы?»

Пока он размышлял, рука медленно потянулась к нему и, коснувшись его лба, убрала в сторону прядь волос.

— Проснулся? — раздался смеющийся голос Чэнь Шэ.

У Линчань вздрогнул и окончательно проснулся.

Он резко сел. На его шее звякнул золотой колокольчик Сымин, который он собственноручно выбросил, но теперь тот снова был на нём.

У Линчань хотел сорвать колокольчик, но, подняв руку, испугался — его тыльная сторона была покрыта татуировкой в виде вьющихся цветов, которые почти добрались до кончиков пальцев.

— Это заклятие?

— Да, не бойся, — сказал Чэнь Шэ. — Скоро оно исчезнет.

Обещание Чэнь Шэ необъяснимо успокоило У Линчаня. Он подавил панику и, беззаботно распахнув одежду, принялся разглядывать цветочный узор, покрывавший почти половину его тела.

— А красиво. Что это за заклятие?

— Вратам в Ванлэин нужен ключ, и чистейшая кровь демонов может их открыть, — в двух словах объяснил Чэнь Шэ. — Бай Цан хотел превратить тебя в марионетку, чтобы ты по своей воле принёс себя в жертву и открыл врата.

У Линчань не совсем понял, но, услышав ключевые слова «открыть врата», удивлённо поднял бровь:

— Только я могу их открыть?

— Да.

— Что ж, демонические боги меня любят, — скромно заметил У Линчань.

Чэнь Шэ промолчал.

Видя, что тот, не осознавая всей опасности, продолжает беззаботно болтать, Чэнь Шэ не стал ничего объяснять и, поднявшись, сказал:

— Отец очнулся и хочет тебя видеть.

У Линчань сполз с лежанки. Сюаньсян привычно выпустил два призрачных потока туши, чтобы одеть и причесать его. Услышав слова Чэнь Шэ, он замер:

— А? Отец?

— Да.

***

Дождь всё ещё шёл.

Чэнь Шэ не стал использовать заклинание, чтобы отвести дождь, и, раскрыв зонт, повёл У

Линчаня во дворец Тунлань.

У Линчань ни минуты не сидел на месте. Он крутился вокруг Чэнь Шэ, то разглядывая пейзаж, то прохожих.

— Разве папа не был тяжело ранен и не уединился? Он поправился?

Зонт в руках Чэнь Шэ покачивался из стороны в сторону.

— Он очнулся ненадолго. Вечером ему снова нужно будет уединиться, — холодно ответил тот.

— О!

У Линчань не помнил Цзюйфу. В детстве он его почти не видел.

— А какой папа? — с любопытством спросил он.

— Увидишь — узнаешь, — улыбнулся Чэнь Шэ.

— Ладно.

Дворец Тунлань находился далеко от Террасы Бихань.

В главном городе лил проливной дождь, но во дворце Тунлань всё было покрыто снегом. Огромная формация бесшумно работала под тонким слоем снега, её корни, испещрённые сложными рунами, переплетались, создавая самое большое и ужасающее в мире запретное поле.

Чэнь Шэ подвёл У Линчаня к воротам. Каменный зверь с клыкастой пастью топнул лапой, и руны на тяжёлых воротах засветились.

Со скрипом они отворились.

— Иди, — сказал Чэнь Шэ. — Я подожду тебя здесь.

— А ты не пойдёшь со мной?

— Нет.

У Линчаню пришлось со звоном своих украшений войти одному.

Дворец Тунлань был таким же, как и прежде: анфилады залов, резные балки, расписные стропила. На позолоченных столах всё ещё стояли золотые кубки с вином, но они уже покрылись толстым слоем пыли.

Десятки людей сидели или стояли, застыв на месте, покрытые тонкой вуалью, сквозь которую смутно проступали их до ужаса реалистичные черты.

От этого зрелища огромный дворец казался зловещим склепом.

— Это были замороженные живые люди.

У Линчань никогда не боялся подобных вещей. Он с интересом шёл и разглядывал их. В огромном зале раздавались лишь его лёгкие шаги.

С шипением зажглась свеча.

Зал был огромен. По мере того как У Линчань шёл, свечи одна за другой зажигались, их свет тянулся до самого центра зала.

Когда зажглась последняя свеча, У Линчань остановился и посмотрел вперёд.

На главном троне сидел предыдущий владыка демонов, Цзюйфу.

Он выглядел очень молодо. Его тело было выше, чем у обычных демонов. Длинные белые волосы спадали на ширму, похожую на сухие ветви. Его красивые черты излучали непререкаемую власть.

У Линчань встретился с ним взглядом и почувствовал, будто его что-то укололо.

Цзюйфу был облачён в чёрный халат, спадавший до самого пола. Когда он поднял руку, стали видны едва заметные рунические цепи. Он свысока смотрел на У Линчаня, словно внимательно изучая его лицо.

Спустя долгое время алые глаза мужчины дрогнули, и он, наконец, тихо произнёс:

— Сын мой.

Услышав это незнакомое обращение, У Линчань долго стоял в оцепенении, прежде чем неуверенно поднять голову.

Цзюйфу по-прежнему протягивал к нему руку.

С тех пор как У Линчань себя помнил, у него не было родителей. Даже став учеником главы ордена пика Сяолёу, он во всём полагался только на себя.

Внезапно встретившись с родным отцом, он почувствовал лишь растерянность, как в раннем детстве.

У Линчань не помнил, как Цзюйфу относился к нему в прошлом. Поколебавшись, он послушно подошёл и сел рядом с ним.

Цзюйфу смотрел на него. В его глазах не было тепла, но рука, гладившая У Линчаня по голове, была нежной.

У Линчань, склонив голову, долго смотрел на него, и наконец к нему пришло осознание.

Его отец, хоть и выглядел холодным и пугающим, наверное, всё-таки...

Владыка демонов улыбнулся и, подперев подбородок рукой, с интересом произнёс:

— Не вовремя ты вернулся, сын мой. Сейчас у власти Чэнь Шэ, он перебил многих моих старых соратников. Ты вернулся, чтобы умереть?

У Линчань промолчал.

...Всё-таки несерьёзный.

— Твой брат — нехороший человек, — Цзюйфу, оперевшись локтем о колено, лениво поглаживал У Линчаня по голове. — Он жесток и непредсказуем. Твоё положение щекотливо, рано или поздно он с тобой расправится.

У Линчань замер.

У Линчань возразил:

— Чэнь Шэ не тронет меня.

— О? И что же сделал Чэнь Шэ, чтобы внушить тебе эту иллюзию, сын мой? Угостил тебя конфеткой? — спросил Цзюйфу.

У Линчань поперхнулся и сердито посмотрел на него.

— Вообще-то, у тебя есть ещё один сводный брат, — Цзюйфу не чувствовал никакой неловкости с этим давно потерянным сыном, ведя себя так, словно они виделись вчера. — Я хотел сделать его следующим владыкой демонов, но он был слишком мягкосердечен и проиграл Чэнь Шэ. В итоге Чэнь Шэ отдал его, мужчину, в жёны своему давнему врагу.

У Линчань замер.

— Ты — мой родной сын, носитель чистейшей крови. Как думаешь, твой брат тебя убьёт или выдаст замуж? — лениво протянул Цзюйфу.

У Линчань промолчал.

У Линчань не хотел слушать эти досужие домыслы и спросил в ответ:

— Разве Чэнь Шэ не ваш приёмный сын? Я не собираюсь с ним враждовать и отнимать трон, зачем ему меня убивать?

Цзюйфу замолчал, казалось, не ожидая, что его родной сын задаст такой глупый вопрос.

У Линчань, видя его молчание и вспомнив слова Пятого старейшины о глубокой вражде между Цзюйфу и Чэнь Шэ, прямо спросил:

— Какая между вами вражда?

Цзюйфу подумал и ответил:

— Хм. Чэнь Шэ был низкого происхождения, без отца и матери. В юности он был безымянным смертником, а я даровал ему прощение.

У Линчань кивнул.

Чэнь Шэ, должно быть, помнит эту бла...

Не успел он додумать, как услышал слова Цзюйфу:

— В те годы в Куньфу было слишком много смертников, в тот раз, кажется, около трёхсот человек. Мне это надоело, и я собрал их всех вместе, чтобы они сражались насмерть. Тот, кто выживет, получит прощение. Твой брат тогда был ещё мальчишкой, но благодаря своей свирепости он завоевал себе иероглиф «Шэ».

У Линчань замер.

...Должно быть, затаил обиду.

— Что-то ещё? — нахмурился У Линчань.

— Я оказал ему такую милость, разве этого недостаточно? — Цзюйфу, впрочем, не держался высокомерно. — Я увидел, что у него неплохой талант, и сделал его своим приёмным сыном, лично обучал его техникам и даже отправлял его закаляться в битвах со зверями в Ванлэин. Твой брат тоже не подвёл, сражался несколько лет и не погиб, даже достиг сферы постижения пустоты. Ха-ха-ха, в тот год он сражался со мной три дня и одним ударом меча разрубил мой именной артефакт. Достойный сын, которого я воспитал.

У Линчань промолчал.

У Линчань хоть и не всё понял, но ему показалось, что его отец слишком уж великодушен.

Только сейчас до У Линчаня дошло.

Дворец Тунлань, возможно, был не резиденцией, а тюрьмой, которую Чэнь Шэ устроил для своего отца.

У Линчань, глядя на рунические талисманы вокруг, нахмурился.

Цзюйфу большой ладонью погладил У Линчаня по голове.

— У демонов так принято: победитель получает всё. Ты вырос среди людей, и эти лицемеры воспитали тебя робким и трусливым.

У Линчань впервые услышал, чтобы его называли трусом, и нахмурился:

— Ты можешь отсюда выйти?

— Сложно, — сказал Цзюйфу. — Этот мальчишка Чэнь Шэ очень злопамятен, боюсь, он так просто меня не отпустит.

Ведь если Цзюйфу вырвется на свободу, первым, кого он убьёт, будет Чэнь Шэ.

— Но...

— Не стоит из-за меня связываться с Чэнь Шэ, иначе ты лишь умрёшь быстрее, — Цзюйфу ткнул пальцем в лоб У Линчаня и улыбнулся.

— Он не убьёт меня, — уверенно ответил У Линчань.

— Разве ты не слышал поговорку: «долги отца ложатся на сына»?

— Отец — это отец, а сын — это сын. Твоя вражда с ним, при чём тут я?

Выражение лица Цзюйфу стало серьёзным, и он пристально посмотрел на У Линчаня.

У Линчань несколько его не боялся и смело встретил его взгляд.

Неожиданно Цзюйфу снова, словно сменив маску, громко рассмеялся.

Он большой ладонью схватил У Линчаня за подбородок и, подняв его лицо, с усмешкой, в которой слышалась то ли насмешка, то ли восхищение, произнёс:

— Верно. Ведь он не такой, как все.

У Линчань не понял этой фразы. Он почувствовал, как рука Цзюйфу, словно крюк, коснулась его груди.

Дон.

Сердце бешено забилося, и на мгновение У Линчаню показалось, что Цзюйфу вырвет его из груди.

Духовная сила Цзюйфу была ограничена до тонкой нити, но для У Линчаня она всё равно была ужасающе мощной. Эта нить проникла в его сердце и тут же опутала три заклатья.

Взгляд У Линчаня расфокусировался, и он безвольно опустился на колени Цзюйфу.

— Цк, — Цзюйфу, казалось, был недоволен простотой этих трёх заклятий. Он небрежно коснулся лба У Линчаня, и его духовная сила, проходя по меридианам, дюйм за дюймом разрушала сложную формацию.

По мере того как духовная сила проникала всё глубже, цветочный узор на теле У Линчаня, достигнув пика своего цветения, начал увядать, опадая лепесток за лепестком.

Дон.

У Линчань резко вдохнул и, схватившись за грудь, обнаружил, что ощущение, будто его сердце сжимает невидимая рука, исчезло.

Два удара сердца — и заклятие было снято.

Цзюйфу уже лениво откинулся на спинку кресла и, налив себе чашу вина, потягивал его.

— Уходи, — холодно бросил он. — Если нет ничего важного, не приходи сюда.

У Линчань растерянно встал и, поколебавшись, спросил:

— Чэнь Шэ действительно хочет меня убить?

Пламя свечи отбрасывало на красивое лицо Цзюйфу пляшущие тени, делая его похожим то на Будду, то на демона.

Он улыбнулся безрадостной улыбкой и холодно сказал:

— Даже если Чэнь Шэ, помня о «братской любви», не станет срывать на тебе зло, он, в отличие от тебя, не вырос в Союзе Бессмертных, где ему промыли мозги...

У Линчань промолчал.

Его снова отругали. Он повернулся, чтобы уйти.

— Сын мой, — позвал его Цзюйфу.

У Линчань остановился и обернулся.

— Куньфу — не райское место. Братоубийство здесь в порядке вещей, не принимай это близко к сердцу, — улыбнулся Цзюйфу. — Даже если он не желает тебе зла, для демонов и зверей кости и кровь чистокровного демона...

У Линчань вздрогнул.

— ...лучшее лакомство.

У Линчань нахмурился.

— Надейся на лучшее, сын мой, — Цзюйфу откинулся на спинку кресла и холодно сказал. — Это всё, что отец может для тебя сделать. Уходи.

У Линчань ничего не понял, но, видя, что Цзюйфу закрыл глаза и больше не собирается говорить, он, поколебавшись, пошёл к выходу.

Подойдя к двери, У Линчань остановился и, повинувшись какому-то наитию, обернулся.

Цзюйфу сидел, скрестив ноги, окружённый красными нитями, словно паутиной.

Он смотрел на него.

У Линчань склонил голову.

Лицо Цзюйфу было озарено нежной улыбкой, его взгляд был прикован к нему. Увидев, что он обернулся, он, казалось, на мгновение замер, а затем его улыбка стала ещё шире, и он мягко махнул рукой.

Словно прощаясь.

У Линчань в замешательстве открыл дверь и вышел.

В огромном зале воцарилась тишина.

Цзюйфу по-прежнему сидел в той же позе, глядя в ту сторону, куда ушёл У Линчань, но улыбка на его лице давно исчезла, сменившись ледяной холодностью и демонической яростью.

Цзюйфу не шевелился, но внезапно произнёс:

— При первой встрече на Террасе Бихань ты хотел его убить?

Из множества теней в зале медленно выступила фигура.

Тёмно-синий халат — это был Чэнь Шэ.

— Ты просто боялся ошибиться, — глаза Цзюйфу были ледяными. — Убив его, ты бы и сам не выжил.

Чэнь Шэ, опустив глаза, не стал спрашивать, как Цзюйфу, находясь в заточении, узнал о том, что происходит снаружи. Он лишь холодно ответил:

— К чему такие подозрения, отец? Вы тяжело ранены, и возвращение юного господина пришлось как нельзя кстати.

— Сколько лет прошло, а ты всё такой же лицемер. Ничуть не изменился, — внезапно рассмеялся Цзюйфу. — Демоны всегда ценили свободу и раскрепощённость, а ты всё пытаешься подражать людям. Надоело играть в «отцовскую любовь и сыновью почтительность», теперь решил разыграть «братскую любовь»?

Выражение лица Чэнь Шэ не изменилось.

— Вы даровали мне жизнь. Я не позволю ему причинить вам ни малейшего вреда и разрушить ваши многолетние труды.

Цзюйфу медленно наклонился вперёд, и невидимые цепи на его конечностях издали тихий звон.

— Если бы не я, ты бы давно сгнил в грязи.

— Я всегда буду помнить о том, как вы меня воспитывали, отец, — склонил голову Чэнь Шэ.

Цзюйфу безразлично смотрел на него.

За несколько лет Чэнь Шэ из слабого, как крыло цикады, юноши превратился в несокрушимую гору, которую не мог сдвинуть даже он. Он всегда любил притворяться, носить маску благородного мужа.

Теперь же, когда его эмоции были скрыты, он казался ещё более загадочным и непредсказуемым.

Цзюйфу не мог прочесть его мысли, но знал, что, пока у него есть козырь, У Линчань сможет прожить под опекой Чэнь Шэ ещё некоторое время.

...Вот только как долго — неизвестно.

Чэнь Шэ подождал, но Цзюйфу больше ничего не сказал. Он вежливо поклонился:

— Отец, я вас покину.

Чэнь Шэ направился к выходу, но не успел дойти до двери, как в воздухе пролетела нефритовая чаша для вина и, ударившись о пол у его ног, разлетелась на осколки.

— Чэнь Шэ.

Чэнь Шэ не шелохнулся. Он обернулся:

— Отец, у вас есть ещё какие-то распоряжения?

— Не смей замышлять ничего против моего сына, — холодно посмотрел на него Цзюйфу. — Поглотив его кровь и кости, ты не станешь настоящим человеком.

— Правда? — улыбнулся Чэнь Шэ. — Спасибо за напоминание, отец. Будет время — попробую.

Цзюйфу впервые в жизни вышел из себя:

— Да я твоего отца!..

— Отец, даже в гневе не стоит проклинать самого себя, — мягко остановил его Чэнь Шэ.

Цзюйфу промолчал.

Чэнь Шэ больше не задерживался и под ругань Цзюйфу элегантно покинул дворец Тунлань.

Бам!

Формация, замершая на четверть часа, снова ожила, и десятки миллионов рунических талисманов, взметнувшись в небо, превратились в огромную клетку.

***

Заклятие с У Линчаня было снято, но он потерял много жизненной силы и целыми днями отлёживался во дворце Даньцзю.

От нечего делать он всё больше размышлял над словами Цзюйфу, и ему всё больше казалось, что что-то здесь не так.

— Мо Бао, — У Линчань, лёжа на столе, упражнялся в каллиграфии. — Ты думаешь, Чэнь Шэ действительно хочет меня съесть?

Сюаньсян промолчал.

— Так ты пропустил мимо ушей всё, что я тебе говорил? — наконец сказал Сюаньсян.

Придя в себя, Сюаньсян тут же сказал У Линчаню, что Чэнь Шэ нельзя доверять и нужно держаться от него подальше, но У Линчань его не слушал.

— Но он не похож на такого человека, — всё ещё не хотел верить У Линчань.

— Потому что он умеет притворяться.

— Он дважды меня спас. Если бы он действительно хотел моей смерти, мог бы просто стоять и смотреть, зачем ему создавать себе проблемы?

— Потому что он умеет притворяться.

— Игра на цитре, шахматы, чайная церемония, любовь к бамбуку, — продолжал У Линчань. — Всё это — увлечения благородного мужа. А благородный муж не может есть людей, ха-ха-ха!

— Потому что он уме...

Тук-тук.

Кто-то постучал в дверь.

Сюаньсян тут же притворился мёртвым.

— Юный господин, юный господин, вы ещё живы?

Это был голос Чи Фуханя.

— О, проигравший, — хмыкнул У Линчань.

— Ещё раз так назовёшь? — Чи Фухань с ноги открыл дверь и, войдя, недовольно сказал. — Я пришёл навестить тебя из добрых побуждений, а ты платишь мне чёрной неблагодарностью.

За ним вошли Вэнь Цзюаньчжи и Цин Ян.

Цин Ян молнией метнулся к У Линчаню и, убедившись, что тот в порядке, с облегчением

вздыхнул и спрятался в безопасном и укромном месте.

— Юный господин, здравствуйте, — поклонился Вэнь Цзюаньчжи.

— Здравствуйте, здравствуйте. Вы что, не пошли на занятия?

— Мы прогуляли, чтобы навестить юного господина. Тронут? — Чи Фухань с важным видом уселся на подушку напротив У Линчаня.

— Почему ты так говоришь? — с подозрением спросил У Линчань.

— Боюсь, ты не поймёшь, — Чи Фухань достал из рукава стопку книг из Малой обители Фэньюй. — Я слышал, Владыка Чэнь не разрешает тебе выходить, так что мы с Вэнь Гу пришли научить тебя грамоте.

— Что значит, Чэнь Шэ не разрешает мне выходить? — возмутился У Линчань.

Как будто он — ребёнок, который слушается старшего брата.

— А как сказал Владыка Чэнь? — ухмыльнулся Чи Фухань.

Чэнь Шэ сказал: «Три заклęcia повредили твои меридианы. Отдохни несколько дней во дворце Даньцзю, а когда поправишься, я попрошу Сюнь Е погулять с тобой, хорошо?»

— Это я не хочу выходить, потому что ещё не оправился от ран. Если бы я захотел, мог бы хоть восемьсот раз выйти, — надулся У Линчань.

Чи Фухань промолчал.

Ха-ха-ха, о чём он спорит с неграмотным ребёнком!

Вэнь Цзюаньчжи, наблюдая за выражением лица У Линчаня, мягко спросил:

— Прошу прощения, юный господин, могу ли я прощупать ваш пульс?

У Линчань, который рисовал на свитке уродливую карикатуру на Чи Фуханя, поднял голову:

— Пульс?

— Вэнь Гу во всём остальном — вечно второй, но в медицине он хорош. У тебя ведь нестабильная духовная сила, пусть посмотрит, — небрежно бросил Чи Фухань.

Глаза У Линчяня заблестели, и он тут же протянул ему руку.

Вэнь Цзюаньчжи всё делал очень аккуратно. Он положил на стол маленькую подушечку для рук, и из его пальцев вырвались белоснежные нити, которые мягко окутали запястье У Линчяня. Он серьёзно принялся прощупывать пульс.

— А как вы двое развиваетесь? — с любопытством спросил У Линчянь у Чи Фуханя.

— У моей семьи есть природное демоническое око, я с детства развиваюсь, пропуская через него духовную силу. У Вэнь Гу по-другому, у него семейное наследие, к тому же его семья — целители, у них столько пилюль, сколько захочешь, он их ест, как конфеты, — ответил Чи Фухань.

У Линчянь не совсем понял, но, похоже, развитие через демоническое око было более эффективным.

За несколько минут Вэнь Цзюаньчжи закончил прощупывать пульс и с удивлением посмотрел на У Линчяня.

Чи Фухань никогда не видел у него такого выражения лица и встревоженно спросил:

— Что такое? Нельзя спасти?

— Я видел многих заклинателей с разбитым золотым ядром, — Вэнь Цзюаньчжи со сложным чувством посмотрел на У Линчяня. — У обычного человека оно раскалывается на восемь частей, и это уже предел.

— А у юного господина? — спросил Чи Фухань.

— Три...

— Тридцать?!

— Больше трёхсот.

Чи Фухань замер.

Золотое ядро разбилось в пыль?

Взгляд Вэнь Цзюаньчжи стал ещё мягче. Он смотрел на У Линчаня, как на хрупкую глазурь.

— Зубы сводит, — Чи Фухань, скривившись, посмотрел на него. — Оно же разбилось на мириады осколков! Тебе не больно?

— Привык, — У Линчань с надеждой посмотрел на Вэнь Цзюаньчжи. — А можно мои мириады осколков снова собрать воедино?!

— Сложно... — начал Вэнь Цзюаньчжи.

У Линчань понурил голову.

— Хоть и сложно, — мягко продолжил Вэнь Цзюаньчжи, — но способ есть. Однако для этого нужно закалять дух с помощью алхимии. Травы, которые для этого нужны, чрезвычайно редки, и достать их будет очень трудно.

Глаза У Линчаня заблестели.

Значит, надежда ещё есть

<http://bllate.org/book/16997/1584592>